

Когда они поворачивали назад, перед ними лежал весь мир, и они выбирали место, где пустить корни, поддерживали друг друга и медленно шли вперед. Раньше, читая это место, я всегда видела в нем надежду. Но теперь, задумываясь снова, я понимаю, что в этой надежде сквозит вздох. Они были вынуждены идти, они не могли не идти. Свет оставался позади, а сами они двигались вперед.

В кабинете наступила тишина.

Мисс Уилсон не стала хвалить ее. Она никогда никого не хвалила. Но она кивнула, а затем перевела взгляд на Элизабет.

А вы, мисс Элизабет?

В руках у Элизабет откуда-то появилась книга. Она попыталась спрятать ее в рукав, но мисс Уилсон уже заметила это.

Что ты читаешь?

Элизабет подняла голову, и на ее лице застыло то знакомое Мэри упрямое выражение.

Сесилию, — ответила она. — Фанни Берни.

В часы занятий не следует читать подобное.

Я знаю. Элизабет не стала оправдываться, но и отдавать книгу отказалась.

Мисс Уилсон посмотрела на нее, и между ними воцарилось трехсекундное противостояние. Затем мисс Уилсон отвела взгляд и продолжила лекцию о Потерянном рае.

Однако Мэри заметила, что рука Элизабет по-прежнему лежит на книге, а кончики пальцев едва слышно гладят корешок.

На перемене Джейн взяла оставленный мисс Уилсон сборник стихов и продолжила читать тот отрывок из Потерянного рая.

Мэри подошла ближе: Джейн нравится эта поэма?

Джейн подняла голову и улыбнулась той мягкой, трогательной улыбкой, от которой на душе становилось теплее.

Я люблю стихи, — ответила она. — Любые. Но Милтон... его поэзия совсем другая. Он пишет о чем-то великом и далеком, но, читая его, чувствуешь, что он говорит о том, что у тебя на сердце.

Мэри задумалась: А кто твой любимый поэт?

Джейн немного замялась и тихо произнесла: Купер. Мне нравится Купер.

Она опустила глаза, перелистнула несколько страниц, нашла одно стихотворение и тихо прочла его Мэри:

Мне не нужно богатство и громкая слава,

Ни власть, ни вельмож благосклонный привет;

Лишь крыша над скромным жилищем по праву

И несколько книг, что милее всех свет...

Дочитав, она слегка покраснела: Разве это не глупо?

Мэри покачала головой: Вовсе нет.

Джейн улыбнулась и снова уткнулась в книгу. Солнечный свет струился из окна, падая на ее волосы, на профиль и на страницы в ее руках. Ее губы едва заметно шевелились, беззвучно повторяя заученные строки.

Мэри смотрела на нее, и вдруг ей вспомнилось кое-что.

В оригинале Джейн в конце концов выходит замуж за Бингли, поселяется в большом доме в Дербишире, всего в тридцати милях от своих сестер. Разве это была та самая скромная крыша над головой? Нет. То был огромный особняк со множеством слуг и бесконечными балами.

Но, пожалуй, для Джейн главным было то, чтобы любимый человек находился рядом, а сестер удавалось навещать хотя бы изредка — это и составляло ее собственную скромную обитель.

Элизабет сидела на подоконнике.

Это было ее любимое место. Подоконник оказался узким, но сама она была худенькой, так что у нее получалось устроиться боком: одна нога свисала вниз, а другая была подогнута, в то время как на коленях лежала раскрытая Сесилия.

Когда Мэри подошла, та даже не подняла головы.

Мэри остановилась у окна и немного подождала.

Лиззи.

Элизабет подняла глаза.

Тоже хочешь почитать? — спросила она, и в ее голосе прозвучала нотка настороженности: ей не нравилось, когда кто-то мешал ей за чтением.

Мэри покачала головой: Я просто хотела узнать, интересная книга?

Выражение лица Элизабет смягчилось. Она захлопнула книгу и показала Мэри обложку.

Интересная, — ответила она. — Интереснее, чем Потерянный рай.

Мэри не удержалась от смеха. Элизабет бросила на нее сердитый взгляд: Чего ты смеешься?

Ничего, — произнесла Мэри. — Просто подумалось, что ты, кажется, не очень-то любишь Милтона.

Элизабет фыркнула.

Я не то чтобы не люблю, — пояснила она. — Просто... стихи слишком правильные. Каждое слово должно стоять на своем месте, каждая строка — рифмоваться, а любое чувство обязано выглядеть красиво. Но жизнь устроена иначе. Жизнь — это сплошной беспорядок, где порой случается странная радость и совершенно бессмысленная боль. Вот романы как раз об этом.

Мэри на мгновение замерла.

Именно так и поступила бы Элизабет Беннет — умная, проницательная, с легким бунтарским духом. Ей всего восемь лет, но она уже начинает смотреть на мир собственными глазами.

Заметив, что Мэри молчит, Элизабет снова опустила взгляд на книгу. Солнечный свет лился из окна, падая на ее подогнутые колени, на страницы и на ту самую строчку.

Мэри бросила беглый взгляд на фразу из Сесилии:

Величайшее несчастье в жизни — не потерять любимого человека, а никогда по-настоящему не любить.

Мэри вернулась за свое место, где лежало приготовленное мисс Уилсон задание.

Однако она не вглядывалась в него.

В ее голове внезапно мелькнул образ.

Это было очень давно — в прошлой жизни.

Она сидела в кресле кинотеатра, а на экране шла экранизация Гордости и предубеждения 2005 года. Элизабет в исполнении Киры Найтли, в длинном коричневом платье, с растрепанными ветром волосами и книгой в руке возвращалась с прогулки по полям.

Поля зеленели, небо синело, дул сильный ветер. Она шла ни быстро, ни медленно, с задумчивым выражением лица, словно только что сошла со страниц книги и еще не до конца вернулась в реальность.

Затем она вошла в дом.

Стоило распахнуть дверь, как оттуда хлынул шум: пронзительный голос матери, визги сестер, звон посуды. Она на секунду замерла, задумчивость исчезла с ее лица, уступив место мимолетной улыбке смирения.

Сидя тогда в кинозале, Мэри — Чжан Мэри из прошлой жизни — подумала, глядя на этот кадр: вот она, Элизабет Беннет. Одной ногой в книге, другой в реальной жизни. Курсирующая туда-сюда между двумя мирами.

Теперь же Мэри — нынешняя Мэри Беннет — сидела в кабинете в Лонгборне и смотрела на восьмилетнюю девочку у окна.

Та сидела, склонив голову и впитывая Сесиль, а солнечный свет заливал ее фигуру. Время от времени снизу доносились крики сестер, отчего ее брови едва заметно хмурились, но сама она даже не поднимала головы.

Точь-в-точь.

Мэри вспомнила другой кадр.

Из того же фильма. Бал в Незерфилде. Момент, когда входит мистер Дарси.

Мистер Бингли шел впереди, улыбаясь и оживленно со всеми здороваясь. Дарси плелся слеза, облаченный в темное пальто, с каменным лицом и молчаливый. Стоило им появиться, как бальный зал на мгновение затих — не по-настоящему затих, а так, будто все вокруг украдкой косились на них, делая вид, что им совершенно все равно.

Элизабет стояла в толпе, наблюдая за их появлением. На ее лице читалось прелюбопытнейшее выражение: в нем не было ни восхищения, ни презрения, лишь чистое любопытство из разряда мне ужасно интересно, что вы за птицы такие.

Мэри тогда едва не рассмеялась в кинотеатре.

Потому что знала, что будет дальше. Знала, что этот угрюмый мужчина полюбит эту любопытную девушку, знала, что их ждут ссоры, недопонимания, взаимные обиды, а затем примирение, любовь и счастье.

Ей было все это известно, потому что она читала книгу.

Но сейчас... сейчас, сидя в этом кабинете и глядя на восьмилетнюю Элизабет, уткнувшуюся в роман, она вдруг подумала, до чего же все это одновременно комично и удивительно.

Сколько же сейчас лет мистеров Дарси?

Она быстро прикинула в уме. Дарси был старше Элизабет на несколько лет, значит, сейчас ему одиннадцать или двенадцать, он учится в Пемберли или занимается с домашним учителем, еще совершенно не подозревая, что на свете существует некая девочка по имени Элизабет Беннет, из-за которой в будущем он потеряет сон, станет писать длинные письма и забудет всю свою гордость.

Они еще не встретились.

Но они встретятся.

Мэри помнила хронологию. Незерфилд сдадут внайм, когда Элизабет исполнится около двадцати.

Тогда она сядет за фортепиано и затянет длинную, скучную пьесу, заставив всех чувствовать себя неловко.

Если только она не поступит иначе.

Если только она не сделает что-то другое.

Мисс Мэри.

Голос мисс Уилсон вырвал ее из размышлений.

Мэри подняла голову и встретила взглядом с теми неизменно спокойными глазами.

Задание выполнено?

Мэри опустила глаза на собственный лист бумаги. Там красовались всего три строчки, кривые и косые, словно банда пьяных гусениц.

Пока... еще нет.

Мисс Уилсон подошла, остановилась за ее спиной и посмотрела на исписанный лист.

О чем ты думала?

Мэри замерла. И что ей ответить? Сказать, что она размышляет, когда же появится мистер Дарси? Или упомянуть бал много лет спустя? А может, признаться, что думает о том, как не превратиться в ту отталкивающую синий чулок из оригинальной истории?

Она подняла глаза на мисс Уилсон.

Я думала о том, — произнесла она, — почему стихи и романы такие разные.

Брови мисс Уилсон чуть дрогнули.

И почему же?

Стихи стремятся сказать о чем-то красиво, — медленно проговорила Мэри, — а романы —

правдиво. Стихи — это облака в небе, а романы — земля под ногами.

Мисс Уилсон помолчала пару секунд.

Затем она протянула руку, забрала у Мэри перо и вывела на бумаге строчку:

Облака в небе, земля под ногами. Но ты стоишь посередине.

Она вернула перо девочке.

Пиши.

<http://bllate.org/book/22034/2290811>